

Беляков А.О.

А.О. Беляков

Распространение буддизма в Приамурье в эпоху средневековья в контексте этнокультурных и этномиграционных процессов на Дальнем Востоке

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных тенденций развития и распространения буддизма на Дальнем Востоке в эпоху средневековья среди коренных народностей региона. Анализируя процессы распространения, адаптации и синкретизации буддизма в инокультурной среде, автор делает вывод о роли, функциях и характере буддийского учения в данном регионе. В частности, делается вывод о том, что буддизм получал распространение в основном среди правящей верхушки общества на определённом социокультурном и экономико-политическом этапе развития государственности, характеризующемся ростом культуры в сочетании с религиозной свободой и индифферентизмом. Буддизм достаточно легко интегрировался в инокультурную среду, приобретая тем самым свою специфику. Кроме того, буддизм играл роль культурного медиатора между отдельными этническими общностями, народами и государствами, передавая таким образом культурные и религиозные традиции.

Ключевые слова: буддизм, Бохай, мохэ, Приамурье, тунгусо-маньчжуры, Цзинь, чжурчжэни

В эпоху средневековья Восточная и Центральная Азия представляли собой регион, в котором сложно, нередко драматически, переплетались судьбы оседлых и кочевых народов. Здесь брали начало миграционные волны, например, монгольских племён, которые меняли историю не только востока Евразии, но и порой всего континента. Эти волны перекраивали не только политическую карту, экономику, но также духовную культуру и религии многих народов. Одним из наиболее важных процессов этнокультурной истории востока Азии является развитие и распространение буддизма. В данной статье мы затронем значимую составную часть этого процесса – генезис буддизма в Маньчжурии, на территории современного Приморья и, прежде всего, Приамурья. Под Приамурьем понимается бассейн Верхнего, Среднего и Нижнего Амура в пределах современной Амурской области и Хабаровского края, а с китайской стороны – прилегающая к Амуру часть Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). Северная граница Приамурья проходит по Становому хребту, являющемуся водоразделом Лены и Амура, южная часть ограничена хребтом Ильхури-Алинь, западная и восточная отрогами Малого Хингана, разделяющими притоки Амура, Нонни и Сунгари. Как и когда возник буддизм на этих территориях? Какую роль он сыграл в социокультурной истории огромного региона?

Существует гипотеза, согласно которой буддизм мог появиться здесь вместе с племенами, пришедшими из Центральной Азии во II тысячелетии, по другой – значительно раньше – в начале новой эры, поскольку в I–IV вв. эта религия уже была известна в Китае и Корее, и, следовательно, дальневосточные племена также могли быть с ней знакомы.

В.Е. Медведев в монографии «Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (Чжурчжэньская эпоха)» пишет: «Признавая шаманство безусловно основной формой религии... несправедливо считать, что население Приамурья не познакомилось с буддизмом, достаточно хорошо известным в то время многим его соседям. В центральной Азии уже в начале новой эры буддизм имел распространение среди хуннов, позже в V–VI вв., он стал известен жужаням и, даже возникла необходимость в принятии ими буддизма как государственной религии»¹.

Вместе с тем, по мнению Е.И. Кычанова, в государствах Восточной и Центральной Азии «отсутствовала религиозная доминанта»². Не вызывает никаких сомнений то, что «гунны были знакомы с буддизмом хотя бы по причине их господства над городами-государствами Западного края, в которых буддизм процветал... по этой же причине с буддизмом были знакомы усунь и юэцзи...»³. Стоит учесть, что с точки зрения Кычанова буддизм не оказал сколько-нибудь заметного влияния на их государство, как и на государства других кочевых народностей, существовавших до XVI века. Монголам буддизм был известен уже при династии Юань (1271–1368), в государстве северная Вэй (386–534), основанном сяньбинцами, немало было буддистов-китайцев. Подтверждением этому может служить тот факт, что в 410 году монах Фа Го объявил Буддой императора Тай-цзу. Однако более о том, насколько и в какой форме был распространён буддизм у сяньбинцев, нам ничего не известно⁴.

О жужанях (жуань-жуань) также известно немного: в 511 году их каган Чоуну прислал китайскому двору шрамана Хун Сюаня, который поднёс от его имени украшенную жемчугом статую Будды⁵.

Тюрки, сменившие на исторической арене жужаней, также были знакомы с буддизмом. Известно, что они получали из Китая тексты сутр⁶, а одним из памятников, свидетельствующих о существовании буддийской сангхи у тюрков и относящихся ко времени существования Первого Тюркского каганата является согдийская стела из Бугута⁷. В X веке буддизм принимают уйгуры⁸; по другим данным уйгуры принимают буддизм ещё в середине VIII века⁹. Как отмечает А. Берзин, «уйгуры перевели множество буддийских текстов на свой тюркский язык с санскритских, согдийских, тохарских, китайских и тибетских источников. Кроме того, они были первооткрывателями в переводе буддийских текстов на монгольский язык. Их стиль перевода, сохраняющий многие санскритские технические термины, переняли монголы. Буддистов среди уйгуров можно было встретить приблизительно до XVII столетия»¹⁰.

Таким образом, в распоряжении исследователей оказывается довольно скудный объём информации, касающейся центральноазиатских народов, исповедовавших буддизм и оказывавших влияние на аборигенное население Дальнего Востока. Вместе с тем, о влиянии Кореи и Китая известно несколько больше.

Племена мохэ были одними из первых, кто создал своё государство на Дальнем Востоке России. После разгрома Когурё Танским Китаем и тюрками не пожелавшие подчиниться завоевателям когурёсцы бежали на север, в страну союзных мохэских племён, где и нашли убежище. Здесь у мохэских племён сумо образовалась основа будущего Бохайского государства¹¹. Эта группа сумо мохэ и часть пришедших с ними из-под Инчжоу когурёсцев и стала тем военно-политическим ядром, вокруг которого произошло объединение мохэ. Формально Китай являлся сюзереном Бохая, однако вассалитет Китая проявлялся там, где он был выгоден самим бохайским правителям. Получение высокого титула вана (короля) от китайского «Сына Неба» поднимало престиж правителя – как в глазах его подданных, так и среди окружающих Бохай стран и народов.

Государство Бохай (в переводе – «Цветущее») включало в себя территории современного Приморского края, Приамурье, Северную Корею, а также значительную часть Северо-Восточного Китая (Манчжурию). Бохай был независимым государством, что свидетельствовало об экономической и военной мощи королевства. Государство имело развитую административную систему, собственную письменность и своё летоисчисление, существовала система обязательного среднего образования. Это была богатая самобытная высокоразвитая культура со своими ремесленными традициями, наукой и искусством. В государстве, прежде всего среди аристократии и чиновников, были распространены буддизм, даосизм и конфуцианство, в народе же доминирующей религией оставался шаманизм.

Буддизм в государстве Бохай был, по-видимому, заимствован из Китая в форме махаяны, распространённой в это время как в Китае, так и в Корее. Известно, что центром цивилизации для всей Восточной Азии в то время был Китай, а архитектура бохайских храмов подражает китайской¹².

Следует, однако, учесть также мнение М.В. Воробьёва, отмечающего: «В государстве Бохай на территории Маньчжурии и Приморья, благодаря влиянию когурёсцев, среди привилегированной части бохайского населения широкое распространение получает буддизм. Например, в летописях имеется известие, что в начале IX в. среди подношений Бохая китайскому двору были посланы две буддийские статуи, сделанные из серебра и золота в Бохае»¹³. Это утверждение справедливо ещё и потому, что в IV в. буддизм уже существовал в Когурё: «...Бывало, что мохэсцы подчинялись Когурё. В таких обстоятельствах они тоже должны были ознакомиться с учением Будды и стать его почитателями»¹⁴.

Кроме этих концепций возникновения буддизма в данном регионе, существует ещё одна, связанная с торговыми связями городов-государств Великого Шёлкового Пути. К середине I тыс. н.э. вдоль всей трассы центральноазиатской части Шёлкового пути появляются согдийские колонии и фактории, призванные обеспечить безопасность торговых караванов¹⁵. Из Ордоса согдийцы беспрепятственно ходили не только в Китай и обширные районы Центральной Азии, но и на Корейский полуостров, свидетельствами чему могут служить датированные VI–VIII вв. находки черепичных концевых дисков и облицовочных кирпичей с демоническими личинами¹⁶. Эти личины мало чем отличаются от согдийских и хотанских керамических и металлических медальонов с изображением Киртимукхи¹⁷. Не исключено при этом, что с начала VI в. согдийцы завязывают торговые связи с соседними с Кореей тунгусскими племенами, чьи владения издревле славились обилием пушных зверей, особенно соболей. Существовали торговые и культурные связи согдийцев с первым государственным образованием тунгусских племён Дальнего Востока – государством Бохай, а также их преемниками – чжурчжэнями¹⁸.

Один из маршрутов, используемых согдийцами для торговли и обмена, назывался «Соболья дорога». Начинаясь он из Семиречья, далее шёл через Алтай и Западную Монголию и доходил до реки Селенги. «Из Забайкалья и с Большого Хингана согдийские купцы могли уже беспрепятственно плыть по Амуру и его притокам в различные районы Приамурья, Приморья, Маньчжурии и даже достигать гужевым транспортом Северной Кореи», – утверждает Э.В. Шавкунов. Свидетельствами культурного обмена между согдийцами и народами Амура являются наличие у чернореченских мукрийцев (хэйшуй мохэ – прим. А.Б.) в титулатуре родоплеменных вождей термина «бакфур», что могло означать иранское «фагфур» – «царь», «правитель» (восточной страны)¹⁹. Помимо этого, ближайшие аналоги дольчатой керамики, получившей широкое распространение в Приамурье с IX в., находятся в хотанской керамике, датированной VII–VIII вв., а приамурские чаши с дольчатым туловом аналогичны таким же чашам из Согда. Это объясняется тем, что при некоторых факториях, созданных согдийцами, возникали ремесленные центры, в том числе керамические²⁰. Следовательно, согдийские купцы, чьи фактории находились на территории Бохая, могли быть первыми носителями буддийской традиции.

Со временем буддизм становится в Бохае, по сути, одной из официальных государственных религий. В этот период активно строятся буддийские храмы и монастыри. В Приморье археологами открыты остатки пяти буддийских храмов бохайского периода. Один из них находится на Краскинском городище Хасанского района, другие четыре в Уссурийском районе – Копытинский, Абрикосовский, Борисовский и Корсаковский.

Заимствования государством Бохай китайских религиозных традиций были обусловлены, по-видимому, рядом причин. Китайский исследователь Чжань Цзюнь предположил наличие в государстве Бохай «открытой внутренней политики, благоприятствовавшей слиянию народностей» и культурному просвещению²¹. Как отмечает Э.В. Шавкунов, «формирование и развитие бохайского этноса и его культуры протекали на полиэтнической основе, в связи с чем соседние народы, обнаруживая в культуре бохайцев характерные для их культуры черты, уже не воспринимали её как нечто чуждое, а поэтому легко шли на различного рода контакты и заимствования.

Впрочем, то же самое можно сказать и о бохайцах, в глазах которых большинство соседних народов по тем же причинам не были для них чужаками. Этим, собственно говоря, и объясняется существование между Бохаем и соседними странами длительных и прочных всесторонних связей, способствовавших как смешению, так и слиянию между собой различных этносов и взаимному обогащению культур»²².

Таким образом, буддизм в Бохае формировал важный пласт в культуре и быте тех народов, которые входили в состав государства. Развитие и распространение буддизма в Бохае стало возможным на этапе перехода от варварства к «цивилизации». В тот момент, когда кочевники становятся оседлыми, появляется государственность, одновременно (прежде всего у высших сословий) появляется и необходимость в «цивилизованной религии», пользующейся уважением у соседей, транслирующей высокий уровень культуры и образованности. Благодаря буддизму и конфуцианству, происходило обучение и формирование правящего класса, которому прививались буддийские и конфуцианские добродетели. В этом заключается роль буддизма как культурного медиатора, а также выражается его трансэтничность, транснациональность – способность выходить за границы этнической среды своего возникновения. Вместе с тем, доминирующим религиозным мировоззрением у народов государства Бохай оставался шаманизм, что, однако, не мешало сосуществованию его с другими религиями в государстве.

В X веке на престол в Китае вступает династия Сун (960–1227), а также усиливаются кочевые монгольские (согласно китайской историографии – тунгусские) племена, населявшие территорию современной Внутренней Монголии, Республики Монголия и Манчжурии, известные как кидани. Китай ищет в лице бохайцев защиту от киданьских племён. Переговоры их по этому поводу увенчиваются для Китая успехом. Между бохайцами и киданями начинаются столкновения, более успешные в итоге для последних. Окончательное завоевание Бохая киданским домом Ляо приходится на 924 год. После разрушения владений Бохая кидани основывают на его месте свою провинцию Дунь-дань.

«Послы от государства, называвшегося Бохай, продолжали контакты с государствами Пяти Династий и империей Сун даже после 926 года... [они] направлялись в государства Пяти Династий и в империю Сун не как оставшиеся люди погибшего государства, а скорее, как послы Бохая, обладавшего полным суверенитетом. Различные китайские документы фактически описывают их как послов “Позднего Бохая”»²³. Это происходило потому, что многие бохайцы не утратили своего этнического самосознания. В литературе принято говорить о тех, кто сохранил этническое сознание, как об оставшихся бохайцах. Тех, кто под натиском киданей его утратил, называют киданями бохайского происхождения. Часть аристократов, выступавших против киданей, бежала в соседнее государство Корё. Очевидно, что в таких сложных исторических обстоятельствах культурное и религиозное наследие Бохая не было утрачено полностью, оно сохранилось в рамках этнического самосознания бывших бохайцев.

Непривилегированные слои бохайского общества, занимавшиеся в основном земледелием, оставались на прежних территориях. Кроме тех бохайцев, которые стали подданными государства Ляо, были также группы населения Бохая, которые получили название *чжурчжэни*. Хан ГюЧхоль считает, что «чжурчжэни – это общий термин, для людей, оставшихся в Бохае после его падения и хэйшуй мохэ (*шеннойчжен* – дикие чжурчжэни – прим. А.Б.)... таким образом, чжурчжэни и бохайцы были единой семьёй. Они поддерживали недружественные, но, в то же время, мирные отношения с киданями и Корё, пока не создали своё собственное государство Цзинь»²⁴.

О распространении буддизма у киданей можно судить по тексту китайского историка XII века Е Лун-ли. В своём произведении «История государства киданей» («Циданьгочжи») он пишет, что «после покорения Бохая [в 913 году – прим. А.Б.] в большом кочевье, в котором жил Тай Цзу, был построен буддийский храм Тяньсюнсы»²⁵. Храм, как сообщает Ляо Ши, был построен для 50 пленённых китайских монахов, которых привезли в Силоу²⁶, «император [Син-Цзун – прим. А.Б.] хорошо понимал сущность буддизма и даосизма... [он] особенно высоко ставил буддизм... многие его родственники и знатные семьи отправляли своих сыновей и дочерей

в буддийские монахи и монахини»²⁷. Последний император династии – Тяньцзоди – также был знаком с буддизмом.

О численности монахов известно, что в 1078 году на счету правительства состояло около 360 000 человек, при том, что всего киданей в Северо-Восточном Китае было около 3 000 000 человек²⁸. Буддийские монахи находились на довольно высоком положении: «в «Бэнь-цзи» Дао Цзуна (ц.21–26) говорится, что... буддийское духовенство заправляло и делом науки: духовные назначались иногда и министрами народного просвещения (шоу-сы-ту)... некоторые из них имели титулы шоу-сы-кун (заведующий пустотой?); го-цзы-цзян (университет?), основанный Дао Цзуном в Средней Столице(Да-нин-фу), был в некоторой зависимости от духовных... а само высшее учебное заведение носило полурелигиозный характер»²⁹. Кроме того, по указу императора Дао Цзуна наследник должен был изучать буддийские книги³⁰.

По мнению отечественного востоковеда М.Н. Суворцова, буддийская религия имела широкое распространение в основном среди высших слоёв общества. Конечно же буддизм не был единственной религией империи. Картина религиозной жизни в Ляо достаточно пестра: в государстве были распространены даосизм, конфуцианство и шаманизм³¹.

О значительном смешении религиозных традиций в империи Ляо говорят праздники, описанные в Циданьгочжи: «...[киданиями] отмечались следующие праздники: «Первое число нового года» – шаманский праздник, связанный с ритуалом изгнания демонов; «Человеческий день» (жень и), связанный с «прокуриванием» Неба; «Празднество согласия» – когда императоры угощали своих вельмож; «Праздник Дня рождения Будды» – праздновался в столице и во всех губерниях, областных и уездных городах. Тогда носили по городским стенам вырезанный из дерева Си-да (Сиддхартхи Шакьямуни) хэшаны и хэшанки, даосы и простой народ гуляли по стене и проводили весь день в увеселениях. Также отмечался праздник Дуань-Ву, когда Инь и Ян сливаются друг с другом»³².

Буддизм, таким образом, в синкретизированной форме присутствует в государстве киданей Ляо, вобравшем в себя наследие как Китая, так и Бохай.

В конце XI века государство Ляо приходит в упадок, а в 1125 году его уничтожают чжурчжэни – тунгусские племена, населявшие территорию Маньчжурии, Приморья, после падения государства Бохай. Китайский историк Цзи Ши полагает, что чжурчжэни – это не самоназвание народа, а слово, происходящее от киданьского «нюйгу» (золото). Таким образом, нюйчжэнь, нюйгучжэнь – это народ, живущий на реке Золотой»³³.

Чжурчжэни являлись потомками части племен мохэ, образовавших государство Бохай, покорённое киданями. С этим связано их разделение киданями на «покорных» (шу нюйчжэнь), то есть тех, кто признал власть киданей, и «диких» (шэн нюйчжэнь) или «нецивилизованных».

Со второй половины XI века усилился процесс объединения чжурчжэньских племён вокруг племени Ваньянь, основным итогом которого стало создание Золотой империи Цинь (1115–1234 гг.).

Существуют три точки зрения относительно генезиса буддизма у чжурчжэней: согласно первой, буддизм был известен чжурчжэням ещё до создания государства Цинь; согласно второй, буддизм приходит к чжурчжэням от покорённых и признавших власть киданей бохайцев, или, как их ещё называли «покорные» (шу) нюйчжэнь; и, наконец, согласно третьей точке зрения, буддизм приходит к чжурчжэням с Корейского полуострова, возможно от родов, которые также были этнически связаны с «непокорными» (шэн) нюйчжэнь.

С точки зрения М.В. Воробьева и В.Е. Медведева, буддизм в государстве чжурчжэней получил распространение ещё в догосударственный период³⁴. Аргументом в пользу этой гипотезы служит буддийская орнаментика – изображения лотоса, обнаруженные в ряде памятников, наиболее показательным из которых является Корсаковский могильник на реке Амур, относящийся к концу I-го, либо к самому началу II-го тыс. н.э., где были найдены керамические сосуды и бронзовые подвески с орнаментом этого растения³⁵, а также статуэтка Будды³⁶.

Исследователь объясняет происхождение находок культурным влиянием центральноазиатского региона на аборигенные народы, населявшие Дальний Восток

России в то время. Также Медведев даёт и другое объяснение происхождению статуэток – из государства Бохай (предположительно во второй половине VII в), и, таким образом, в целом склоняется к версии происхождения буддизма у чжурчжэней из Корё.

Обоснованием второй гипотезы служит довод о том, что чжурчжэни являются оставшимися после падения своего государства бохайцами, правящие круги которых исповедовали буддизм. «Чжурчжэни были оставшимися бохайцами, которые поддерживали полунезависимые отношения с киданями после падения Бохая. Они были вынуждены поддерживать недружественные, но в то же время мирные отношения с соседними киданями и Корё для выживания, пока не создали собственное государство «Цзинь»³⁷.

Третья гипотеза состоит в том, что буддизм к чжурчжэням попадает вначале с Корейского полуострова, а потом от киданей³⁸. В пользу этого предположения говорит слово «тайела», используемое чжурчжэнями для обозначения буддийского храма и восходящее к корейскому «тэль». Этот термин к чжурчжэням проник из Кореи, по-видимому, до того, как они вступили в тесные связи с киданями³⁹. Как уже отмечалось, предки чжурчжэней – бохайцы – также были знакомы с буддизмом, потому чжурчжэни вполне могли перенять его от них. Однако, следует учесть, что в «Цзинь Ши» утверждается, что императорский род чжурчжэней уходил своими корнями в Корею⁴⁰. Потому представленные версии, скорее дополняют, нежели исключают друг друга.

В период расцвета чжурчжэньская империя занимала всю Маньчжурию, южную часть Дальнего Востока России, часть Северной Кореи, большая часть территории Северного Китая. Чжурчжэни частично перенимали культуру завоёванных китайцев, строили крупные города, в которых воздвигали помпезные дворцы и храмы. Города становились центрами ремесла, торговли, идеологии, многонациональной культуры. Письменные источники свидетельствуют о распространении в империи Цзинь традиционных на востоке Азии религий: буддизма и даосизма. Несмотря на это, большинство населения оставалось последователями шаманизма. Буддизм в основном исповедовала правящая верхушка общества, даосизм – низовые ячейки, а конфуцианство было уделом государственных деятелей⁴¹. Кроме того, были распространены государственные культы, созданные из элементов культа предков, анимизма и государственного культа династий Тан и Сун.

Со времён цзиньской империи в Северном и Северо-Восточном Китае сохранились буддийские храмы и пагоды. Императоры государства Цзинь были благосклонны к буддизму. Однако следует помнить, что Агуда предпочёл в качестве государственной религии «Золотой Империи» шаманизм. Между тем о популярности буддизма в народе свидетельствует запрет на практику буддийского учения, введённый в 1157–1199 годах Хай-лин-ваном. При Хай-лин-ване начались гонения на буддистов. Император запретил праздновать рождение Будды (запрещение было снято лишь в 1199 г.). При Ши Цзуне (1161–1189) некоторые запреты были отменены, в Яньцзине воздвигнут храм Дациншоусы, а в Ляояне чаньский храм Цинъаньчасы. Ши Цзун в 1167 г. заявлял: «Учению буддистов вовсе не должно вредить. Династии Лян государь У-ди сделался послушником монастыря Тун-тай-сы, а государь ляоский Дао-цзун отдавал во владение монахам народ и, наконец, сделал из них трёх правителей государства»⁴². Но, в дальнейшем, его отношение к буддизму переменилось, и в 1186 г. он объявил: «Люди, вообще почитая ересь даосов и ставя выше всего религию буддистов, полагают своё блаженство в безмолвии и в чтении священных книг. Но если я не допускаю народ до бедствия и доставлю государству спокойствие, не есть ли это выше их блаженства?»⁴³. Опасения императора вполне понятны: он не хотел делить власть с сангхой и поддерживающей её верхушкой общества.

Период развития чжурчжэньской культуры, с точки зрения В.Е. Медведева, проходит три этапа.

1) Вторая половина VII – середина IX в. – это время сложения почти всех ключевых культурных компонентов, когда разлагаются первобытно-общинные отношения, и возвышается родовая знать, а вещевые комплексы мохэской и чжурчжэньской культуры близки.

2) Вторая половина IX – первая четверть XII вв. – культура достигает зрелости.

Финальный отрезок этого этапа, конец XI – начало XII вв., отмечен быстрым развитием культуры и формирования чжурчжэньской народности. Это эпоха широких связей и взаимодействий с различными этническими общностями, особенно с южными и западными, которая характеризуется наибольшим внедрением центрально-, южносибирских, а также среднеазиатских (согдийских) компонентов в культуру чжурчжэней региона. В свою очередь амурские чжурчжэньские культурные комплексы проникают на территорию Приморья.

3) Вторая четверть XII – середина XIII вв. – период развития культуры населения Приамурья в качестве периферии чжурчжэньского «Золотого» государства. Налаживается обмен культурными ценностями с населением более южных районов, включая Северный Китай. При значительной нивелировке многих культурных компонентов на территории Амурского региона и территории Приморья, тем не менее, в культуре местных чжурчжэней сохраняется ряд особенностей (дольчатая керамика, пояса с пластинчатыми ажурными бляхами и другое). Для третьего этапа характерно заметно меньшее число памятников в сравнении с предшествующими этапами, что объясняется массовыми переселениями на территорию Китая – центр созданного чжурчжэньского государства – родственных этнических групп, в том числе амурских чжурчжэней. Однако после разгрома империи монголами часть чжурчжэньского населения возвратилась на берега Амура и его притоков.

Появление буддизма, в соответствии с представленной схемой, соотносится со вторым этапом – второй половиной X в.⁴⁴, либо второй половиной XI в.⁴⁵ Таким образом, буддизм у чжурчжэней появился в период становления культуры, формирования этнического самосознания и государственности, а несколько позже приобретает локальную специфику, занимая своё место в конгломерате трёх религиозных учений – буддизма, даосизма и конфуцианства⁴⁶.

В начале XIII-го века у северных границ Китая появляются монголы. В 1224 г. монголы разгромили тангутское царство западное Ся, а, спустя 8 лет, пала и цзиньская держава. Так закончился период распространения буддизма в Приамурье и на сопредельных территориях, связанный со становлением и развитием первых государств региона – Бохая и Цзинь.

Влияние буддизма на культуры народов Приамурья в эпоху средневековья несомненно. Выступая в основном как государственная религия правящей верхушки и аристократии, он был образцом образованности и просвещённости, а также привносил новые важные элементы в культуры тех народов, правители которых его принимали. Вначале благодаря государствам Великого Шёлкового пути, а затем, прежде всего, посредством Китая, он передавал ценности буддийских цивилизаций народам Восточной Азии и Дальнего Востока. Интегрируясь с другими религиозными воззрениями, он привнес в них философскую глубину и эстетику предшествовавших буддийских культур. Кроме того, в таком взаимодействии буддизм играл роль культурного медиатора между отдельными этническими общностями, народами и государствами.

Рассматривая основные этапы развития буддизма в средневековой истории Приамурья, можно выделить следующие маркеры, характеризующие специфику развития этой религии в регионе: 1) доминирующая мохэская культура, соединившаяся с китайско-корейскими и центральноазиатскими компонентами, определила специфику буддизма в государстве Бохай; 2) доминирующая мохэско-чжурчжэньская культура, соединившаяся с китайским, монгольским и среднеазиатским (согдийским) влиянием, определила специфику буддизма «Золотой империи чжурчжэней» – государства Цзинь.

В целом, несмотря на отсутствие непрерывной линии преемственности буддийской традиции между разновременными этническими группами, и, как правило, его сосуществование с другими религиями (что приводило к религиозному и культурному синкретизму), буддизм играл важную роль в этнокультурных и этномиграционных процессах, проходивших в Приамурье и, шире, на востоке Азии в эпоху раннего средневековья. Во-первых, буддизм выполнял функцию транслятора наследия буддийской цивилизации, вобравшей в себя богатое наследие Индии и других принимавших буддизм народов Востока. Во-вторых, буддизм, формируя общую для разных народов культурную среду, выполнял функцию культурного медиатора,

проводника не только религиозных идей, но и политических, этических, эстетических и иных достижений разных народов. Благодаря общей буддийской среде, народы востока Азии, большие и малые, оседлые и кочевые, получали новые импульсы для развития и постепенной интеграции в единое культурное пространство.

Библиографический список

1. Berzin, A. Buddhism and Its Impact on Asia / A. Berzin // Asian Monographs. – No. 8. – Cairo: Cairo University, Center for Asian Studies, 1996.
2. Franke, H. Chinese Texte on the Jurchen II. A translation of the chapter one of the Chin-shi / H. Franke. – Zentralasiatische Studien. – 1978. – № 12. – P. 416.
3. Аниховский, С.Э. Маньчжурский клин: история народы, религия / С.Э. Аниховский, Д.П. Болотин, А.П. Забияко, Т.А. Пан. – Благовещенск: АмГУ, 2005. – 316 с.
4. Артемьева, Н.Г. Культовые сооружения бохайского времени на территории Приморья / Н.Г. Артемьева // Российская археология. – 1998. – № 4. – С. 174–191.
5. Воробьев, М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.) / М.В. Воробьев. – М.: Наука, 1983. – 367 с.
6. Воробьев, М.В. Религиозные верования чжурчжэней / М.В. Воробьев // Докл. по этнографии / Геогр. об-во СССР. – Л., 1966. – Вып. 4. – С. 77.
7. Воробьев, М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь / М.В. Воробьев. – М.: Наука, 1975.
8. Глухарёва, О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX вв. / О.Н. Глухарёва. – М., 1982.
9. Е Лун-ли. История государства киданей (Циданьгочжи) / Е Лун-ли. – М.: «Наука», 1979. – 608 с.
10. История Золотой империи (1115–1234). Глава 6 / Отв. ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: ИАиЭТ СО РАН, 1998. – 288 с.
11. Кляшторный, С.Г. Согдийская надпись из Бугута / С.Г. Кляшторный, В.А. Лившиц // Страны и народы Востока. – Вып. 10. – М.–Л., 1971. – С. 121–146.
12. Кызласов, Л.Р. История Тувы в средние века / Л.Р. Кызласов. – М.: МГУ, 1969. – 212 с.
13. Медведев, В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (Чжурчжэньская эпоха) / В.Е. Медведев. – Новосибирск: «Наука», 1986. – 208 с.
14. Медведев, В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского / В.Е. Медведев. – Новосибирск: «Наука», 1982. – 217 с.
15. Медведев, В.Е. Среднее и Нижнее Приамурье в конце I – первой четверти II тысячелетия н.э. (чжурчжэньская эпоха): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук / В.Е. Медведев. – Новосибирск, 1983. – Режим доступа: www.dissertcat.com/content/srednee-i-nizhnee-priamurev-kontse-i-pervoi-chetverti-ii-tysyacheletiya-ne-chzhurchzhenskay#ixzz3cvSe7G9k.
16. Окладников, А.П. Далёкое прошлое Приморья (очерки по древней и средневековой истории Приморского края) / А.П. Окладников. – Владивосток: «Приморское книжное изд-во», 1959. – 292 с.
17. Распопова, В.И. Металлические изделия раннесредневекового согда / В.И. Распопова. – Л., 1980. – 138 с.
18. Суровцов, М.Н. О владычестве киданей в средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания ими династии Ляо – до падения сей последней на Западе / М.Н. Суровцов // История Железной империи. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – 356 с.
19. Сухбаатар, Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии / Г. Сухбаатар // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск, 1978. – С. 68–69.
20. Таскин, В.С. История государства киданей / В.С. Таскин, Е Лун-ли // Токто. Ляо-ши (История династии Ляо). – Бо-набэнь. Гл. 1, л. 46.
21. Хан Гю Холь. Кидани и чжурчжэни как оставшиеся бохайцы / Хан Гю Холь // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. – Владивосток, 2001. – С. 66–71.
22. Ци Ши. Циданьгохаоцзе (Объяснение наименования государства кидань) / Ци Ши // Шэхуэйкэсюэчжаньсянь. – 1983. – № 1.
23. Чжань Цзюнь. Особенности развития культуры Бохая / Чжань Цзюнь // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. – Владивосток, 1994. – С. 59–65.
24. Шавкунов, Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока / Э.В. Шавкунов. – М., 1990. – 282 с.
25. Шавкунов, Э.В. Согдийская колония VII–X веков в Приморье / Э.В. Шавкунов // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в Средние века: Сб. науч. трудов. – Владивосток, 1988.

26. Шавкунов, Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней / Э.В. Шавкунов // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск, 1985.

¹ Меведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (Чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. С. 155.

² Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 337.

³ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 338.

⁴ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 338.

⁵ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 95.

⁶ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 338.

⁷ Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. 10. М.–Л., 1971. С. 121–146.

⁸ Сухбаатар Г. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 68–69.

⁹ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 84.

¹⁰ Berzin A. Buddhism and Its Impact on Asia // Asian Monographs, no. 8. Cairo: Cairo University, Center for Asian Studies, 1996.

¹¹ Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья (очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Приморское книжное изд-во, 1959. С. 189.

¹² Артемьева Н.Г. Культовые сооружения бохайского времени на территории Приморья // Российская археология. 1998. № 4. С. 176.

¹³ Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М.: Наука, 1975. С. 156.

¹⁴ Чжань Цзюнь. Особенности развития культуры Бохая // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 65.

¹⁵ Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. С. 188.

¹⁶ Глухарёва О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX вв. М., 1982. С. 33.

¹⁷ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового согда. Л., 1980. С. 122–123.

¹⁸ Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 150.

¹⁹ Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. С. 190.

²⁰ Шавкунов Э.В. Согдийская колония VII–X веков в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в Средние века: Сб. науч. трудов. Владивосток, 1988. С. 100.

²¹ Чжань Цзюнь. Особенности развития культуры Бохая // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 59, 65.

²² Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. С. 44.

²³ Хан Гю Чхоль. Кидани и чжурчжэни как оставшиеся бохайцы // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001. С. 67.

²⁴ Хан Гю Чхоль. Кидани и чжурчжэни как оставшиеся бохайцы // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001. С. 68.

²⁵ Е Лун-ли. История государства киданей (Циданьгочжи). М., 1979. С. 52.

²⁶ Таскин В.С. Е Лун-ли. История государства киданей // Токто. Ляо-ши (История династии Ляо). Бо-набэнь. Гл. 1, л. 46.

²⁷ Е Лун-ли. История государства киданей (Циданьгочжи). М., 1979. С. 150.

²⁸ Суровцов М.Н. О владычестве киданей в средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания ими династии Ляо – до падения сей последней на Западе // История Железной империи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 294.

²⁹ Суровцов М.Н. О владычестве киданей в средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания ими династии Ляо – до падения сей последней на Западе // История Железной империи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 293.

³⁰ Суровцов М.Н. О владычестве киданей в средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания ими династии Ляо – до падения сей последней на Западе // История Железной империи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 293.

³¹ Суровцов М.Н. О владычестве киданей в средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания ими династии Ляо – до падения сей последней на Западе // История Железной империи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 295.

³² Е Лун-ли. История государства киданей (Циданьгочжи). М., 1979. С. 336–342.

³³ Ци Ши. Циданьгохаоцзе (Объяснение наименования государства кидань) // Шэхуэйкэсюэчжань-сянь. 1983. № 1.

- ³⁴ Воробьёв М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. С. 133; Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (Чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. С. 156.
- ³⁵ Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск: Наука, 1982. Табл. 32, 11.
- ³⁶ Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (Чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. С. 156.
- ³⁷ Хан ГюЧхоль. Кидани и чжурчжэни как оставшиеся бохайцы // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001. С. 68.
- ³⁸ Воробьёв М.В. Религиозные верования чжурчжэней. В кн.: Доклады по этнографии, вып. 4. Л.: Изд-во ГО СССР, 1966. С. 69, 81.
- ³⁹ Воробьёв М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. С. 51.
- ⁴⁰ Franke H. Chinese Texte on the Jurchen II. A translation of the chapter one of the Chin-shi. Zentralasiatische Studien. 1978. № 12. P. 416.
- ⁴¹ Воробьёв М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. С. 44–51.
- ⁴² История Золотой империи (1115–1234). Глава 6 / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск ИАиЭТ СО РАН, 1998. 288 с.
- ⁴³ История Золотой империи (1115–1234). Глава 7 / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск ИАиЭТ СО РАН, 1998. 288 с. цз. 7.
- ⁴⁴ Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (Чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. С. 156.
- ⁴⁵ Медведев В.Е. Среднее и Нижнее Приамурье в конце I – первой четверти II тысячелетия н.э. (чжурчжэньская эпоха): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. Режим доступа: www.dissertcat.com/content/srednee-i-nizhnee-priamure-v-kontse-i-pervoi-chetverti-ii-tysyacheletiya-ne-chzhurchzhenskay#ixzz3cvSe7G9k.
- ⁴⁶ Воробьёв М.В. Религиозные верования чжурчжэней // Докл. по этнографии / Геогр. об-во СССР. Л., 1966. Вып. 4. С. 77.

References

1. Mevedev V.E. *Priamur'e v kontse I – nachale II tysyacheletiya (Chzhurchzhen'skaya epokha)* [The Amur Region in the Turn of II Millennium AD (Jurchen Era)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, P. 155.
2. Kychanov E.I. *Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [History of Ancient and Medieval States Bordering with China (from the Huns to the Manchus)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010, P. 337.
3. Kychanov E.I. *Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [History of Ancient and Medieval States Bordering with China (from the Huns to the Manchus)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010, P. 338.
4. Kychanov E.I. *Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [History of Ancient and Medieval States Bordering with China (from the Huns to the Manchus)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010, P. 338.
5. Kychanov E.I. *Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [History of Ancient and Medieval States Bordering with China (from the Huns to the Manchus)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010, P. 95.
6. Kychanov E.I. *Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [History of Ancient and Medieval States Bordering with China (from the Huns to the Manchus)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010, P. 338.
7. Klyash stormyy S.G., Livshits V.A. *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Vol. 10. Moscow–Leningrad, 1971, pp. 121–146.
8. Sukhbaatar G. *Arkheologiya i etnografiya Mongolii* [Archeology and Ethnography of Mongolia]. Novosibirsk, 1978, pp. 68–69.
9. Kyzlasov L.R. *Istoriya Tuvy v srednie veka* [The History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow, 1969, P. 84.
10. Berzin A. Asian Monographs. No. 8. Cairo: Cairo University, Center for Asian Studies, 1996.
11. Okladnikov A.P. *Dalyekoe proshloe Primor'ya (ocherki po drevney i srednevekovoy istorii Primorskogo kraja)* [The Distant Past of Primorye (Essays on Ancient and Medieval History of Primorsky Krai)]. Vladivostok: Primorskoe knizhnoe izd-vo, 1959, P. 189.
12. Artem'eva N.G. *Rossiyskaya arkheologiya* [Archeology of Russia]. 1998, No. 4, P. 176.
13. Vorob'yev M.V. *Chzhurchzheni i gosudarstvo Tszin'* [The Jurchen and Jin]. Moscow, Nauka, 1975, P. 156.
14. *Medievistskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii* [Medieval Studies in the Russian Far East]. Vladivostok, 1994, P. 65.
15. Shavkunov E.V. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka* [The Jurchen-Udege Culture of the XII–XIII Centuries and the Problem of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East]. Moscow, 1990, P. 188.
16. Glukharyeva O.N. *Iskusstvo Korei s drevneyshikh vremen do kontsa XIX vv.* [Korean Art from the Ancient Times to the end of the XIX Century]. Moscow, 1982, P. 33.
17. Raspopova V.I. *Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo sogda* [Metal Wares of the Early Medieval Sogd]. Leningrad, 1980, pp. 122–123.

18. Shavkunov E.V. *Problemy drevnikh kul'tur Sibiri* [Challenges of the Ancient Cultures of Siberia]. Novosibirsk, 1985, P. 150.
19. Shavkunov E.V. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka* [The Jurchen-Udege Culture of the XII–XIII Centuries and the Problem of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East]. Moscow, 1990, P. 190.
20. Shavkunov E.V. *Problemy drevnikh kul'tur Sibiri* [Issues of the Ancient Cultures of Siberia]. Novosibirsk, 1985, P. 100.
21. *Medievistskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii* [Medieval Studies in the Russian Far East]. Vladivostok, 1994, pp. 59, 65.
22. Shavkunov E.V. *Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka* [The Jurchen-Udege Culture of the XII–XIII Centuries and the Problem of the Origin of the Tungus Peoples of the Far East]. Moscow, 1990, P. 44.
23. Han Gyu Cheol. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoy Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhay* [Ancient and Medieval History of the Eastern Asia. For the 1300 Anniversary of the Formation of Bohai State]. Vladivostok, 2001, P. 67.
24. Han Gyu Cheol. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoy Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhay* [Ancient and Medieval History of the Eastern Asia. For the 1300 Anniversary of the Formation of Bohai State]. Vladivostok, 2001, P. 68.
25. Ye Longli. *Istoriya gosudarstva kidaney* [History of the Khitan State]. M., 1979, P. 52.
26. Taskin V.S. *Istoriya dinastii Lyao* [History of the Liao Dynasty]. Bo-naben, Ch. 1, l. 46.
27. Ye Longli. *Istoriya gosudarstva kidaney* [History of Khitan State]. M., 1979, P. 150.
28. Surovtsov M.N. *Istoriya Zheleznoy imperii* [History of the Liao Empire]. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2007, P. 294.
29. Surovtsov M.N. *Istoriya Zheleznoy imperii* [History of the Liao Empire]. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2007, P. 293.
30. Surovtsov M.N. *Istoriya Zheleznoy imperii* [History of the Liao Empire]. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2007, P. 293.
31. Surovtsov M.N. *Istoriya Zheleznoy imperii* [History of the Liao Empire]. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2007, P. 295.
32. Ye Longli. *Istoriya gosudarstva kidaney* [History of the Khitan State]. M., 1979, pp. 336–342.
33. Zi Shi. *Ob»yasnenie naimenovaniya gosudarstva kidan'* [Explanation of the name of Khitan State]. 1983 (in Chin.).
34. Vorob'yev M.V. *Kul'tura chzhurchzheney i gosudarstva Tszin' (X v. – 1234 g.)* [Culture of the Jurchen and Jin (X century – 1234 year)]. Moscow, Nauka, 1983, P. 133.
35. Medvedev V.E. *Priamur'e v kontse I – nachale II tysyacheletiya (Chzhurchzhen'skaya epokha)* [The Amur Region in the Turn of II Millennium AD (Jurchen Era)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, P. 156.
36. *Srednevekove pamyatniki ostrova Ussuriyskogo* [Medieval Sites of Ussurisky Island]. Novosibirsk, Nauka, 1982, tables 32, 11.
37. Medvedev V.E. *Priamur'e v kontse I – nachale II tysyacheletiya (Chzhurchzhen'skaya epokha)* [The Amur Region in the Turn of II Millennium AD (Jurchen Era)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, P. 156.
38. Han Gyu Cheol. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoy Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhay* [Ancient and Medieval History of the Eastern Asia. For the 1300 Anniversary of the Formation of Bohai State]. Vladivostok, 2001, P. 68.
39. Vorob'ev M.V. *Doklady po etnografii* [Reports on Ethnography]. Vol. 4. Leningrad, Izd-vo GO SSSR, 1966, pp. 69, 81.
40. Vorob'yev M.V. *Kul'tura chzhurchzheney i gosudarstva Tszin' (X v. – 1234 g.)* [Culture of the Jurchen and Jin (X century – 1234 year)]. Moscow, Nauka, 1983, P. 51.
41. Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II. A translation of the chapter one of the Chin-shi. Zentralasiatische Studien. 1978. № 12. P. 416.
42. Vorob'yev M.V. *Kul'tura chzhurchzheney i gosudarstva Tszin' (X v. – 1234 g.)* [Culture of the Jurchen and Jin (X century – 1234 year)]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 44–51.
43. *Istoriya Zolotoy imperii (1115–1234)* [History of the Great Jin (1115–1234)]. Novosibirsk IAET SO RAN, 1998, 288 p.
44. *Istoriya Zolotoy imperii (1115–1234)* [History of the Great Jin (1115–1234)]. Novosibirsk IAET SO RAN, 1998, 288 p.
45. Medvedev V.E. *Priamur'e v kontse I – nachale II tysyacheletiya (Chzhurchzhen'skaya epokha)* [The Amur Region in the Turn of II Millennium AD (Jurchen Era)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, P. 156.
46. Medvedev V.E. *Srednee i nizhnee Priamur'e v kontse I – pervoy chetverti II tysyacheletiya n.e. (chzhurchzhen'skaya epokha): avtoref. diss. na soisk. uch. step. d-ra ist. nauk* [The Middle and Lower Amur Region at the end of I – the first quarter of II Millennium AD (Jurchen Era)]. Novosibirsk, 1983. Available at: www.dissercat.com/content/srednee-i-nizhnee-priamure-v-kontse-i-pervoi-chetverti-ii-tysyacheletiya-ne-chzhurchzhenskay#ixzz3cvSe7G9k.
47. Vorob'ev M.V. *Doklady po etnografii* [Reports on Ethnography]. Vol. 4. Leningrad, Izd-vo GO SSSR, 1966, P. 77.